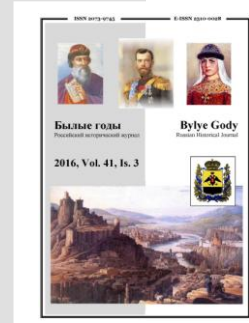

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 575-584, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

State Institutes of the Siberian Khanate and their Reflection in Archaeological Materials

Sergey F. Tataurov^{a,*}

^a Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the state institutes of the Siberian khanate and their reflection in the archaeological materials received during archaeological studying of sites of this period. There are considered processes of a class formation and formation of the stratified society. It is based on the criteria expressed in the works by known Siberian archaeologist N.P. Matveeva. In article the assessment is given to a level of development of productive forces of the population of the state, it is pointed out value of resettlement processes and development of trade relations both in the khanate, and with the adjacent states. The special attention is paid to emergence of the cities of the khanate, their role in centralization of the power, in development of interstate and interstate means of communication, trade. There is given appreciation of fortification systems of the cities and boundary towns of the khanate and is drawn the conclusion about participation in construction of the experts invited from Central Asia. There are analyzes questions of property and social stratification and reflection of this process in a funeral ceremony. The assumption become that as additional criteria of level of statehood of the Siberian khanate can act personal markers of the power – the press, headdresses, the weapon, etc. Criterion of level of centralization of the power for the Siberian khanate is the professional army which consisted from the tatars, hired groups and a militia. Fortification systems of protection of borders of the khanate in the south of Baraby and in Tarsky Priirtyshje also point to the high level of the khan's power. In the conclusion it is said that archaeological materials fill missing information of written sources and their attraction in historical reconstruction of the tyurko-tatar statehood is one of indispensable conditions of similar researches.

Keywords: Western Siberia, Tatars, archeology, history, state, class, system, creation.

1. Введение

Вопрос об уровне развития государственных институтов, как и в целом всей структуры Сибирского ханства во многом остается открытым. Эта проблема отчетливо проявилась в конце XX – начале XXI вв., когда стал вопрос обо всей тюрко-татарской государственности в Северной Евразии (Исхаков, 2006; Исхаков, Измайлов, 2007; Исхаков, 2009). Признавая, что Сибирское ханство возникло и развивалось по тем же правилам, что и другие постзолотоордынские государства, ученые были вынуждены писать о специфичности практически всех аспектов государственного устройства этого образования, их отличии от общепринятых норм тюрко-татарского мира. Это касается административного деления ханства, его аппарата управления, армии, религии и т.д. К сожалению, во многом эти отличия объясняются не столько особым устройством данного ханства, сколько крайне ограниченностью источников, необходимых для воссоздания всеобъемлющей характеристики этого государственного образования.

Блок письменных источников, касающихся структуры Сибирского ханства несравненно меньше по отношению к другим ханствам, например, Астраханскому или Казанскому. Это касается как политических документов по межгосударственным отношениям, так и внутренних по административному делению, торговле, военному делу и т.д.

* Corresponding author

E-mail addresses: TatSF2008@rambler.ru (S.F. Tataurov)

Такая же ситуация сложилась и с картографическими материалами, которые позволяют нам говорить об устоявшихся границах европейских тюрко-татарских государств, о том как они вписаны в европейскую картографию. В противоположность этого мы имеем бесконечное количество мнений о размерах Сибирского ханства, где самые смелые ученые включают в него всю Западную Сибирь вместе со всем Заполярьем. Для значительной части научного сообщества нахождение сибирского государства сравнимо с легендарной Тартарикой, карты которой с удовольствием рисовали средневековые естествоиспытатели на землях к востоку от Уральских гор.

Идентичная картина и с археологическими источниками. Для Казани, благодаря многолетним археологическим изысканиям, имеется возможность реконструкции ханского кремля и основных зданий государственного назначения, что дает нам представление об облике государства, его символике, значимости тех или иных институтов (например, религии) и т.д. Для Искера у нас есть только эфемерные картинки этой столицы, базирующиеся больше на фантазиях ученых, нежели на материалах раскопок.

Мы можем, опираясь на археологические материалы Поволжья проследить динамику социокультурных процессов, развитие технологий, формирование определенного мировоззрения у местного населения. Для лесостепного пояса Западной Сибири для XIV–XVI вв. у нас нет ни этнокультурной картины, ни точной хронологической шкалы для археологических комплексов, поэтому исследователь может представить только общее заключение по тому или иному вопросу, касающемуся истории проживавшего в данном регионе тюркоязычного населения.

Однако, ситуация с расширением источниковой базы для углубления представлений о Сибирском ханстве между тем не настолько плоха, по крайней мере в археологическом направлении. За период с конца XIX по начало XXI вв. накоплен значительный объем материалов раскопок и очевидна необходимость серьезной ревизии, имеющихся в музеях археологических коллекций и полевых отчетов, относящихся к исследованным памятникам интересующего нас периода. В последние годы началась публикация этих материалов, но в совершенно недостаточном количестве (Яковлев, 2009; Искер – столица Сибирского ханства, 2010).

В данной работе будет сделана попытка проиллюстрировать государственные институты сибирских тюрко-татарских образований, прежде всего Сибирского ханства археологическими материалами и показать перспективность их использования в исторических реконструкциях.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками для подготовки статьи стали археологические материалы, полученные за период с конца XIX по начало XXI вв., а также сведения о городах и поселениях Сибирского ханства, известных по письменным документам государственных архивов, опубликованные в отечественной научной литературе.

2.2. При решении исследовательских задач был использован сравнительно-исторический метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

3. Обсуждение

Н.П. Матвеева, ссылаясь на труды Г. Чайлда, К. Ренфрю, В.М. Массона, В.И. Гуляева, А.М. Хазанова, В.П. Илюшечкина, Л.Е. Куббеля, Ю.В. Павленко и др., выделяет 8 важнейших археологических критериев классообразования, которые применимы для Сибири (Матвеева, 2007: 72). Соглашаясь в целом с выбранными определениями этого процесса и принимая определенную тождественность этих факторов при образовании государственности, попробуем их приложить к материалам для Сибирского ханства. Для изучения сибирской тюрко-татарской государственности особенно актуально привлечение археологических материалов, которые при дефиците письменных источников позволяют, на наш взгляд, существенно дополнить характеристику государственных образований второй половины II тыс. н.э.

Приведенные в данной статье археологические аргументы в пользу достаточно высокого уровня развития сибирских тюрко-татарских государств, естественно, требуют обсуждения и наполнения материалами, но и в рамках статьи, очевидно, что это один из перспективнейших путей изучения этих образований.

3.1. Критерий 1. Экономика раннеклассового общества характеризуется резким ростом производительности труда в земледелии и скотоводстве, усилением обмена

Для населения Сибирского ханства во второй половине XVI в. характерно комплексное, имеющее своей основой скотоводство, хозяйство. В зависимости от природно-географических условий конкретных районов в его структуре варьировалась значимость присваивающих или производящих отраслей. Для таежных и южнотаежных территорий больше была доля охоты, рыболовства и собирательства, а для долин крупных рек и лесостепных пространств превалировало скотоводство с элементами земледелия.

В целом для всего XVI в. можно отметить определенный прогресс в хозяйстве населения лесостепной полосы Западной Сибири. Это связано в первую очередь с развитием торговых отношений, как между отдельными районами Сибирского ханства, так и ростом межгосударственной торговли со Средней Азией и Китаем. Растущий спрос на пушнину, «рыбью кость», рабов и т.д. привел к расширению торговых отношений с более северными хантыйскими и мансийскими княжествами. Среди завозимых в Сибирь товаров поступал и производственный инвентарь – практически для всех направлений хозяйственной деятельности – мотыги и наконечники пахотных орудий, топоры, инструменты для металлообработки и других ремесленных занятий и т.д., что мы и фиксируем при раскопках памятников этого времени.

Разгром Казанского ханства вызвал волну беженцев, которые не захотели жить под властью Москвы. Среди них были земледельцы, ремесленники, торговцы и т.д. Свои знания и умения они применяли в Сибири. На мой взгляд, распространение земледелия в XVI в. среди тюркоязычного населения Западной Сибири можно связывать в том числе и с этими переселенцами.

3.2. Критерий 2. Начинается отделение ремесла от сельского хозяйства

Города Сибирского ханства – Искер, Чимги-Туру, Тон-Туру и др. нельзя назвать центрами ремесленного производства. Анализируя археологические материалы с этих комплексов можно констатировать, что ремесленный инвентарь занимает в них совершенно незначительное место. Но здесь, следует иметь в виду, то обстоятельство, что вышеуказанные города являлись для хана в первую очередь временными ставками, на которых он бывал один-два раза в год. Поэтому это были небольшие по размерам населенные пункты, которые резко увеличивались в численности населения в период пребывания в них хана и проводимых им мероприятий – сбора налогов, торгов, проведения общих собраний и т.д. и пустели после его отъезда.

С другой стороны расширение Сибирского ханства и укрепление государственных институтов резко повысило спрос на ремесленную продукцию - торговля не могла полностью его удовлетворить. В первую очередь необходимо было решать проблему содержания армии. Несмотря на ее относительно небольшую численность – от 3 до 5 тысяч - для ее оснащения постоянно требовалось оружие, военное снаряжение, лошади и т.д. Значительная часть оружия и доспехов, лошадей поступала из Средней Азии. Но для решения оперативных проблем – ремонта, изготовления наконечников стрел, починки конной амуниции требовались мастера непосредственно в Сибири. При раскопках Искера и Тунуского городка были найдены инструменты кузнецов, шорников, портных и проч. Наиболее вероятно, что хан Кучум привез в Сибирь вместе со своей армией и двором и некоторое количество специалистов.

Еще одно направление развития ремесла – это строительство. Для защиты своей столицы и некоторых других центров ханства, а так же пограничных городков были построены достаточно сложные деревянно-земляные, а местами и с использованием кирпича, системы фортификации. Направлением строительной индустрии стало возведение в столице ханства религиозных и правительственных зданий. Не смотря на то, что письменные документы не дают нам правдоподобных описаний этих объектов, археологические материалы свидетельствуют об их наличии (Пигнатти, 2010: 186-226).

3.3. Критерий 3. Правящая верхушка общества накапливает материальные ценности и переводит их в сокровища

Данный тезис очень сложно применить к Сибирскому ханству, так как особых ценностей в ходе археологических раскопок пока не найдено. Р.Г. Скрынников, ссылаясь на письменные источники, пишет, что при взятии Искера отряд Ермака захватил много трофеев «богатую добычу» (Скрынников, 2008: 112). Но ни в одной летописи мы не находим описания этих богатств. Вероятнее всего речь может идти только о меховом ясаке, который был собран к приезду хана Кучума в свою столицу.

Многочисленные раскопки Искера дали нам достаточно представительные по численности коллекции ювелирных изделий, но в целом это рядовые изделия из серебра и полудрагоценных камней. Исследования других комплексов Сибирского ханства, например, Тон-Туры (Воскресенского городища) или Тунуского городка дают нам идентичные наборы украшений. То есть особых предметов роскоши или особо ценных украшений в столице и других населенных пунктах мы не фиксируем. Единственное исключение – это оружие. В ходе раскопок могильников этого времени в Прииртышье выделяются захоронения воинов в высококачественных среднеазиатских доспехах и с набором оружия (сабли и палаши, топоры, кинжалы) импортного происхождения (Матюшенко, 2003: 36-37).

Еще одним местом вложения материальных ценностей были лошади, которые так же поступали из Средней Азии и ловчие птицы. Высокую ценность этих товаров можно определить по тому, тобольские и тюменские татары стали сами разводить лошадей хороших пород и ловчих птиц для хана и его окружения в качестве замены ясака.

Процессу сосредоточения материальных ценностей у знати тюркоязычного населения Западной Сибири мешал тот факт, что самая ее верхушка – сам хан и его окружения были пришлыми и имели свои родовые земли далеко на юге – куда и могли вывозиться собранные богатства.

3.4. Критерий 4. Резкая, не менее трех страт, социальная дифференциация общества. Она реализуется в погребальном обряде не только через трудовые затраты, но и через имущественную дифференциацию. Как следствие, возникает субкультура знати. Интенсивный обмен можно считать индикатором частнособственнического присвоения материальных благ. Наиболее ярким проявлением этого процесса становится появление престижного потребления, что находит выражение в развитии ювелирного дела и активной торговле с целью ввоза предметов роскоши

Вхождение тюркоязычного населения лесостепной полосы Западной Сибири в состав монгольской империи, а затем тюрко-татарских государств, привел к ускорению процесса дифференциации общества. Родовая и племенная сибирская знать была приближена по своему положению и статусу к верхушке монголо-татарского общества. Понятие единого государственного пространства давало возможность местным аристократам почувствовать свою близость к правящему роду чингизидов. Это была идея объединения тюрко-татарского мира через определенные родственные отношения элиты, которая проникла в самые отдаленные поселения тюркоязычного населения Западной Сибири и, в конечном итоге, привела к созданию единого Сибирского ханства.

В государстве хана Кучума накануне событий, связанных с походом Ермака, общество делилось на четыре иерархических горизонта. Самое высокое положение занимал хан и его ближайшее окружение, пришедшее с ним к власти. Эта группа занимала все главные посты в государстве – контроль над армией, налогами, вела межгосударственную и религиозную деятельность и т.д.

Ниже ее располагалась местная сибирская знать, как татарская, так и верхушка хантыйских и мансийских княжеств, которые вошли в состав ханства или заключили с ним союзные соглашения. В эту группу входило руководство служилых татар, которые были расселены по присоединенным землям и по границе ханства. Например, улусами в Прииртышье управляли два есаула Сеткулай и Мамык (Миллер, 2010: 288).

Следующую в стратификации группу ханства составляли служилые и захребетные татары – основа вооруженных сил ханства и хребет его хозяйства (Тычинских, 2012: 144-148).

Самое низшее положение занимали ясачные татары и приравненное к ним местное население улусов, которое проживало на данных землях до вхождения в состав ханства и представляло собой смесь тюрко-угорского, в Приобье тюрко-самодийского, населения.

В силу того, что общество в этот период в Западной Сибири базировалось на родовых отношениях, мы фиксируем определенное единство в его погребальном обряде. Но имущественная и социальная дифференциация населения в погребальном обряде находит свое отражение в наборах инвентаря, в частности, в наличии металлических котлов, оружия, доспехов и т.д. (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990: 203-211).

3.5. Критерий 5. Появление публичной власти отображается в новых специально создаваемых ритуалах для погребения представителей правящей верхушки

До настоящего времени поиском и исследованиями погребений знати Сибирского ханства никто не занимался. Со смертью хана Кучума до сих пор ничего определенного сказать невозможно, не известно и место его погребения. Значительная часть его родственников были вывезены в Москву. Многие еще при жизни хана оставили его, ушли на юг в Бухару и на свои родовые земли. По этой причине захоронения высшей аристократии Сибирского ханства в нашем регионе мы не найдем. Тем не менее, социальную стратификацию в погребальном обряде нам зафиксировать удалось. В ходе раскопок татарских могильников этого времени мы фиксируем наличие погребений, которые выделяются своим расположением на погребальном комплексе, определенными чертами обряда (надмогильных сооружений) и наборами инвентаря. Например, на Бергамакском могильнике в могиле №36 умерший был положен на белую кошму, его сопровождал полный воинский набор – палаши, пика, кинжал, набор стрел, в ногах находился перевернутый котел, под которым лежала узда с кольчатыми псалями, украшенными бронзовыми бляшками с позолотой. Фактически на каждом могильнике этого времени мы фиксируем одно-два подобных захоронения. В данном случае эти захоронения соотносятся, на мой взгляд, с руководством служилой знати татар, с «есаулами» хана Кучума (Татауров, 1995: 80-83). Подобные погребения выделяются на могильниках этого времени размерами надмогильной насыпи, деревянными конструкциями – киртма и надмогильными столбами – орма.

3.6. Критерий 6. Появляются политические, экономические, военные, культурные и идеологические центры - города. Город может возникнуть разными путями: из ставки военачальника, менового пункта, племенного центра, центра ремесла, специально основанного поселения для контроля за определенной территорией

Города Сибирского ханства в большей степени выполняли роль ставок хана Кучума и его наместников, нежели ремесленные, религиозные или торговые центры. Они являлись символами власти хана, становились, на время его пребывания в них, административными центрами, где он осуществлял свои государственные функции – заключал союзные договоры, контролировал сбор налогов, решал конфликтные ситуации. В связи с этим города представляли собой компактные, хорошо защищенные комплексы с небольшим постоянным населением – по этой причине проводимые на них археологические изыскания не дают нам реальной картины экономики ханства, а только иллюстрируют определенную централизацию власти этого государства.

Археологические исследования Искера, Тон-Туры (Воскресенского городища), Тунуского городка позволяют говорить об особенностях планировки этих комплексов, специфике конструкций жилых и хозяйственных объектов, более сложной фортификации по сравнению с сельскими поселениями. Имеются, как уже выше отмечалось, различия и в наборах найденного в ходе раскопок инвентаря. Например, для Искера можно выделить наличие большого количества ключей и металлических деталей сундуков.

3.7. Критерий 7. Возникает и развивается монументальная архитектура, прежде всего сакральная: храмы, погребальные комплексы (усыпальницы); оборонительные сооружения, дворцы правителей.

В ходе укрепления своей власти и расширения границ своего государства хан Кучум не мог не заняться сакрализацией своей власти. Начатый им на государственном уровне процесс обращения в мусульманство своих подданных он сопровождал основанием практически во всех ключевых пунктах своего ханства «святых мест» – памятников мусульманских святых и воинов ислама «погибших за веру» – астана. О мавзолеях в Искере, опираясь на раскопки В.Н. Пигнатти, писал А.Г. Нестеров в своей диссертации (Нестеров, 1988: 10).

В данном случае для нас важен сам факт совершения погребения по нетрадиционной манере для местного населения и дистанцирование его от общего погребального комплекса. Это было принесение чуждого ритуала, демонстрация для всего населения и превращение этого комплекса в особое священное место. Для местной знати это давало право легитимности на особый порядок выполнения погребального обряда. Оставался один шаг для установления подобной дистанции между могилами правящей группы и могилами простых сородичей. И постепенно это стало выражаться в усложнении надмогильных сооружений, появлению сначала символов мавзолеев – надмогильные резные столбы (орма), затем каменные стелы или надмогильные камни и наконец самих построек-усыпальниц.

Пока археологи не исследовали городских объектов, которые можно соотнести с дворцовыми сооружениями, но уже сам факт строительства сложных фортификационных систем можно рассматривать в одном ряду вместе с астана – как навязывание обществу нового мировоззрения и демонстрацию своей власти.

3.8. Критерий 8. Усиливается плотность информационных связей, появляется письменность.

Для Сибирского ханства можно говорить о выходе связей между провинциями и центром на более высокий уровень по сравнению с предыдущими государственными образованиями. Хан Кучум мог в случае необходимости отправить своих курьеров в любую часть своего ханства с определенными требованиями. Например, у Г.Ф. Миллера описывается оповещение о войне рассылкой особых стрел: «Царь же Кучюм... посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людем своим, дабы вскоре к нему без всякого слушания собрались, и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золоченые...» (Миллер, 2000: 662-663).

Развитие налоговой системы, административных реформ привели к строгому учету населения и формированию управленческого аппарата, что в свою очередь существенно усилило централизацию власти. Естественно, что эти факторы повлекли за собой развитие внутри государственной документации и расширению грамотности населения.

В археологическом плане это отразилось в появлении письменных погребальных памятников, фиксации знаков тамг и перстней-печатей. К сожалению, для Западной Сибири этот вопрос раньше практически не рассматривался и еще ожидает своего решения.

Перечислив критерии классообразования и государственности, выделенные Н.П. Матвеевой, можно констатировать, что в отличие от государственных образований более ранних периодов, для которых как пишет автор: «...в Западной Сибири кроме ключевых укрепленных комплексов, которые контролировали определенные районы или торговые пути в поддержку этих критериев ничего привести нельзя» (Матвеева, 2007: 72) – для Сибирского ханства для всех без исключения критериев имеются археологические основания-подтверждения.

Для Сибирского ханства в археологических материалах есть критерии, о которых не пишет Н.П. Матвеева, а именно конкретные маркеры государственности. Эти маркеры можно разделить на два блока – личные атрибуты власти и факторы государственного устройства.

К атрибутам верховной власти мы относим несколько категорий материалов. К ним необходимо отнести головные уборы правителей и их ближайших приближенных. В коллекциях российских

музеев есть несколько шлемов, которые историки связывают с сибирскими ханами. Прежде всего, это шлем хана Кучума. В коллекции Оружейной палаты хранится шлем иранского производства XVI в. который именуется в описях государственной казны «шапкой ерихонской кучюмовской». Шлем украшен восточным растительным орнаментом, имеет золотое эмалевое навершие (позади навершия расположена трубка для перьев) и украшен жемчугом и драгоценными камнями красного и синего цветов. Шлем воспринимался как военный головной убор Кучума и егоотдали 27 января 1664 г. потомку Кучума сибирскому царевичу Алексею Алексеевичу (Пчелов, 2009: 13-21). В фондах Екатеринбургского областного краеведческого музея хранится «шлем Илегея». По преданию, он принадлежал татарскому князьку Илегею, владевшему землями по берегам р. Исети (Плотников, 1906).

О существовании сибирской короны пишет казанский историк Файзрахманов (Файзрахманов, 2002: 145). Д.М. Исхаков, основываясь на материалах других позднезолотоордынских татарских государств, говорит об определенной государственной символике в Сибирском ханстве, идентичной той, что была принята в Крыму. Хан восседал «на троне, на синих подушках, лежат: на правой стороне — закон... а по левой... — тарак (тамга Гиреев), принятый в символическую тамгу или герб» (Исхаков, 2007: 43).

К маркерам Сибирского ханства необходимо отнести существование тамг. Тамги, если они принадлежат правящему роду, имеют государственную нагрузку. Подобный пример приводит В.В. Трепавлов, когда кучюмовичи Аблай и Тауке в доказательство того, что они живы, передали послам Девлет-Гирея «изображение родовой тамги нарисованный им на бумаге, а Тауке — прядь своих волос и тоже нарисовал тамгу» (Трепавлов, 2012: 101). В отличие от городов Поволжья с каменной архитектурой, где на кирпичах известны изображения тамг — в Западной Сибири можно зафиксировать только в исключительных случаях.

Еще одной категорией предметов, которые можно отнести к маркеру государственности Сибирского ханства являются перстни-печати. В общем массиве украшений они выделяются своими размерами и символикой. Они значительно больше и массивнее и на щитке имеют либо стилизованное изображение тамги, личину, воина - поражающего дракона и т.д. Подобные перстни были достаточно широко распространены в эпоху средневековья среди тюркских правителей. Из письменных источников нам известно, что печати были элементом культуры государственного существования практически всех позднезолотоордынских государств. В грамоте хана Кучума (1571 г.) приводится запись: «...а на утверждение... яз Кучюм ц'р печать свою приложил...». Печати, по своему содержанию (титулатура, имя владельца, герб), являлись символом государственной власти (Исхаков, 2009: 21).

На настоящий момент в Прииртышье есть несколько находок подобных перстней, которые мы можем атрибутировать как печати, причем некоторые из них связаны с конкретными родами и с историческими личностями комплексами. Несколько поколений назад этими перстнями заверялись бумаги местного делопроизводства — справки об имуществе, залоговые бумаги, договора аренды и т.д.

К стержневым институтам Сибирского ханства следует отнести армию. При ее немногочисленности, примерно в 3–5 тысяч, это были профессиональные хорошо вооруженные мобильные отряды, способные совершать многотысячные походы, вести бой с превосходящими силами, штурмовать крепостные стены городов и т.д. В периоды больших военных компаний армия существенно увеличивалась за счет отрядов посаженных на пограничные территории служилых татар, местной знати и союзных хантыйских и мансийских князей.

Помимо военных походов в функции армии была обязанность защиты пограничных рубежей государства. К сожалению, границы сибирских государственных образований, в качестве одного из основных фактов существования государственных образований до настоящего времени не стали объектом исследования ученого сообщества. Пожалуй, только В.И. Соболев в своей диссертации поставил вопрос об обустройстве ханом Кучумом границ Сибирского ханства (Соболев, 2008: 226-227). На настоящий момент зафиксированы две приграничные линии городков — в Барабе и южнотаежном Прииртышье. Эти городки по своему расположению подчиняются общей линии границы и имеют очень близкую схему фортификации, что указывает на плановость их строительства. Археологические раскопки городков Надеждинка VII, Кошкуль IV, Ананьино V показали примерно одинаковое время их строительства, идентичность жилых и хозяйственных сооружений и даже одинаковый рацион питания (за счет пригнанных с собой лошадей) (Матвеев, Татауров, 2012).

Археологические материалы могильников этого времени позволяют нам сделать предположение об определенной стандартизации вооружения воинов Сибирского ханства. Практически на всех могильниках XVI–XVII вв. в Прииртышье мы фиксируем погребения, которые выделяются из общего ряда комплектом оружия и дополнительным инвентарем — конской сбруей, котлами и т.д. Причем погребенные достаточно четко разделяются по своей воинской специфике от простого легковооруженного (лук и кинжал) до доспешного с полным комплектом оружия и снаряжения (копье, сабля или палаш, кинжал, лук, конная сбруя) воина. Наиболее выразительное в этом плане захоронение №267 было исследовано В.И. Матюченко при раскопках позднесредневекового могильника на Татарском увале у д. Окунево (Матюченко, 2003).

Это погребение представителя знати, облаченного в железный пластинчатый доспехи с богатым набором оружия. Рядом с ним располагаются погребения простых воинов с оружием и конской упряжью (мог. № 248, 260). Подобные захоронения мы зафиксировали на могильнике Бергамак II в захоронениях 33, 34 и 41 (Корусенко, 2003). Такие же захоронения мы наблюдаем и в Барабе, где на могильнике Абрамово-4 выделяются захоронения с наборами оружия (Молодин и др., 1990: 116-177). Наличие таких захоронений и их определенная «стандартизация» позволяет говорить о наличии вооруженных формирований, созданных по одному образцу и входящих в систему вооруженных сил Сибирского ханства.

Многие археологические материалы, которые вполне возможно в скором будущем станут маркерами Сибирского ханства, еще ждут своего исследователя. Например, такой важнейший критерий государственности, как финансовая система. Государство это власть и ему на содержание управленческого аппарата, армии, государя и его свиты, необходимы значительные средства и под какими формами они бы не организовывались «кочевыми», «полисными», «племенными» или другими, основные средства на содержание их государственных институтов – это налоги самых разных видов – дань, ясак и т.д. Чем более развито государство, тем больше необходимо средств на его содержание. Например, все противостояние кучумовичей в XVII в. с российским государством сводилась к борьбе за податное население, и только ясак с сибирских татар позволял потомкам хана Кучума продолжать свою политику по отношению к Москве (Трепавлов, 2012). Но были ли у сибирских ханов собственные деньги, или их эквиваленты, до настоящего времени неясно. Поэтому эту категорию находок, которую хорошо используют в качестве маркера государств и правителей в других частях света, в Западной Сибири применять пока нет возможности.

4. Заключение

Разгром русскими отрядами последнего в Западной Сибири тюрко-татарского государства – Сибирского ханства произошел достаточно быстро и со сравнительно небольшими потерями. Большинство ученых объясняют это слабостью самого ханства, которое на этот момент представляло собой аморфное в территориальном плане слабо развитое государственное образование, основу которого составляло полукочевое население. По этой причине владыка ханства хан Кучум фактически ничего не смог противопоставить экспансии русского государства (Новосельский, 1948; Скрынников, 1982).

В действительности поражение правителя ханства под своей столицей Искером было обусловлено не только слабостью его государства и войска, сколько целым рядом причин, прежде всего политических, заключающихся в противостоянии хану Кучуму значительной части татарской знати. Следует принять тот факт, что, несмотря на сокрушительное военное положение, борьба хана Кучума и его потомков затянулась практически до середины XVII в.

Имеющиеся археологические источники, которые можно соотносить с историей Сибирского ханства, показывают достаточно высокий уровень развития его государственных институтов. Вкупе с письменными свидетельствами можно утверждать, что хан Кучум воссоздал ханство по тюрко-татарским канонам, сложившимся в период Золотой орды и ее государств-преемников. За период своего правления он развивал необходимые для него институты управления – армию, религию, налоговую и административную системы. К истории этого государства относятся более двухсот археологических памятников – городов, городков, поселений и могильников. В исторической памяти сибирских татар сохранились былины, легенды и сказания о хане Кучуме и его государстве.

Оценивая в целом информативность археологических материалов можно констатировать, что привлечение данного источника является одним из наиболее перспективных направлений в воссоздании истории Сибирского ханства, последнего тюрко-татарского государства в Западной Сибири.

5. Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К.

Литература

Искер – столица Сибирского ханства, 2010 - Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. 228 с.

Исхаков, 2006 - Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.

Исхаков, Измайлов, 2007 - Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

Исхаков, 2009 - Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 142 с.

Корусенко, 2009 - Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.

- Матвеев, Татауров, 2012** - *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
- Матвеева, 2003** - *Матвеева Н.П.* Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим материалам: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского гос-го ун-та, 2007. 208 с.
- Матющенко, 2003** - *Матющенко В.И.* Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII). Раскопки 1998, 1999 годов. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. (Новое в археологии Прииртышья. Вып. 3). 64 с.
- Миллер, 2000** - *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.
- Молодин и др., 1990** - *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 260 с.
- Нестеров, 1988** - *Нестеров А.Г.* Государство Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV-XVII вв. Автореф. Дисс... канд. ист. наук. М., 1988. 20 с.
- Новосельский, 1948** - *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.
- Пигнатти, 2010** - *Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 186- 226.
- Плотников, 1906** - *Плотников Г.С.* Описание мужского Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург: (б.и.), 1906. 21 с.
- Пчелов, 2009** - *Пчелов Е.В.* Символы сибирского царства // Известия Уральского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 4 (66). С. 13–21.
- Скрынников, 1982** - *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. 253 с.
- Скрынников, 2008** - *Скрынников Р.Г.* Ермак. М.: Молодая гвардия, 2008. 255 с.
- Соболев, 2008** - *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
- Татауров, 1995** - *Татауров С.Ф.* Погребение № 36 могильника Бергамак II // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. Ч.1. С. 80-83.
- Трепавлов, 2012** - *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.
- Тычинских, 2012** - *Тычинских З.А.* Социальная структура сибирско-татарского населения в конце XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 144-148.
- Файзрахманов, 2002** - *Файзрахманов Г. Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2002. 488 с.
- Яковлев, 2009** - *Яковлев Я.А.* Могильник Тоянов городок: Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного Исторического музея (г. Стокгольм). Томск-Сургут: Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.

References

- Isker – stolica Sibirskogo hanstva, 2010** - Isker – stolica Sibirskogo hanstva [Isker – the capital of the Siberian khanate]. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2010. 228 s.
- Iskhakov, 2006** - *Iskhakov D.M.* Vvedenie v istoriyu Sibirskogo hanstva [Introduction to the history of the Siberian khanate]. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2006. 196 s.
- Iskhakov, Izmajlov, 2007** - *Iskhakov D.M., Izmajlov I.L.* Ehtnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.) [Ethno-political history of tatars (III - the middle of the XVI century.)]. Kazan': RIC «SHkola», 2007. 356 s.
- Iskhakov, 2009** - *Iskhakov D.M.* Tyurko-tatarskie gosudarstva XV-XVI vv. [Turkic-Tatar states of XV-XVI centuries]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 2009. 142 s.
- Korusenko, 2003** - *Korusenko M.A.* Pogrebal'nyj obryad tyurkского naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII-XX vv.: Opyt analiza struktury i sodержaniya [Funeral rite of the turkic population of the lower reaches of the river Tara in the XVII-XX centuries: experience of analysis of structure and content]. Novosibirsk: Nauka, 2003. 192 s.
- Matveev, Tataurov, 2012** - *Matveev A.V., Tataurov S.F.* Sibirskoe hanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii [Siberian Khanate: the military-political aspects of history]. Kazan': Izd-vo «Fehn» AN RT, 2012. 260 s.
- Matveeva, 2007** - *Matveeva N.P.* Rekonstrukciya social'noj struktury drevnih obshchestv po arheologicheskim materialam [The reconstruction of the social structure of ancient societies based on archaeological materials]: uchebnoe posobie. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gos-go un-ta, 2007. 208 s.
- Matyushchenko, 2003** - *Matyushchenko V.I.* Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (OM VII). Raskopki 1998, 1999 godov [Burial in the Tatar Uval at the village of Okunevo (DG VII). Excavations 1998, 1999]. Омск: Gos. un-t, 2003. (Novoe v arheologii Priirtysh'ya. Vyp. 3) 64 s.
- Miller, 2000** - *Miller G.F.* Istoriya Sibiri [The History of Siberia]. М.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2000. Т. II. 796 с.

- Molodin i dr., 1990** - *Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I.* Baraba v ehpohe pozdnego srednevekov'ya [Baraba in the late middle ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 260 s.
- Nesterov, 1988** - *Nesterov A.G.* Gosudarstvo Shejbanidov i Tajbugidov v Zapadnoj Sibiri v XIV-XVII vv. [The state of Sheibanids and Taybulatov in Western Siberia in XIV-XVII centuries.]. Avtoref. Diss... kand. ist. nauk. M. 1988. 20 s.
- Novosel'skij, 1948** - *Novosel'skij A.A.* Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. [The struggle of the Moscow State with the Tatars in the first half of the XVII century]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 447 s.
- Pignatti, 2010** - *Pignatti V.N.* Isker (Kuchumovo gorodishche) // Isker – stolica Sibirskogo hanstva Isker – the capital of the Siberian khanate]. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2010. S. 186-226.
- Plotnikov, 1906** - *Plotnikov G.S.* Opisanie muzhskogo Dalmatovskago Uspenskogo monastyrya [Description of the male Dalmatovo Dormition Monastery]. Ekaterinburg: (b.i.), 1906. 21 s.
- Pchelov, 2009** - *Pchelov E. V.* Simvol'y sibirskogo carstva [Symbols of the Siberian kingdom] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2009. № 4 (66). S. 13–21.
- Skrynnikov, 1982** - *Skrynnikov R.G.* Sibirskaya ehkspediciya Ermaka [Siberian expedition of Ermak]. Novosibirsk: Nauka, 1982. 253 s.
- Skrynnikov, 2008** - *Skrynnikov R.G.* Ermak [Ermak]. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 255 s.
- Sobolev, 2008** - *Sobolev V.I.* Istoriya sibirskih hanstv (po arheologicheskim materialam) [The history of Siberian khanates (on archaeological materials)]. Novosibirsk: Nauka, 2008. 356 s.
- Tataurov, 1995** - *Tataurov S.F.* Pogrebenie № 36 mogil'nika Bergamak II [Burial No. 36 of Bergamak II] // Integraciya arheologicheskikh i ehtnograficheskikh issledovanij. Omsk: Izd-vo OmGPU, 1995. Ch. 1. S. 80-83.
- Trepavlov, 2012** - *Trepavlov V.V.* Sibirskij yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichy v bor'be za revansh [Siberian yurt after Yermak: Kuchum and Kucukovic in the fight for a rematch]. M.: Vost. lit., 2012. 231 s.
- Tychinskih, 2012** - *Tychinskih Z.A.* Social'naya struktura sibirsko-tatarskogo naseleniya v konce XVI – nachale XVII vv. [The social structure of the siberian tatar population at the end of XVI – early XVII centuries.] // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statej. Vypusk 4. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2012. S. 144-148.
- Fajzrahmanov, 2002** - *Fajzrahmanov G. L.* Istoriya sibirskih tatar (s drevnejshih vremen do nachala XX veka) [The history of the Siberian Tatars (from ancient times to the early XX century)]. Kazan': Izd-vo «Fehn» AN RT, 2002. 488 s.
- Yakovlev, 2009** - *Yakovlev Ya.A.* Mogil'nik Toyanov gorodok: Katalog kollekcii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (g. Stokgol'm) [The burial Toynew town: catalogue of the collection F.R. Martin, 1891 from the collections of the State Historical Museum (Stockholm city)]. Tomsk-Surgut: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. 348 s.

УДК 904

Государственные институты Сибирского ханства и их отражение в археологических материалах

Сергей Филиппович Татауров^{а, *}^а Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу государственных институтов Сибирского ханства и их отражению в археологических материалах, полученных в ходе археологического изучения памятников данного периода. Рассматриваются процессы классообразования и формирование стратифицированного общества. За основу взяты критерии, высказанные в своих работах известным сибирским археологом Н.П. Матвеевой. В статье дается оценка уровню развития производительных сил населения государства, указывается на значение переселенческих процессов и развитие торговых отношений как внутри ханства, так и с сопредельными государствами. Особое внимание уделено возникновению городов ханства, их роли в централизации власти, в развитии внутригосударственных и межгосударственных путей сообщения, торговли. Дается высокая оценка фортификационных систем городов и пограничных городков ханства и делается вывод об участии в строительстве приглашенных из Средней Азии специалистов. Анализируются вопросы имущественного и социального расслоения и отражения этого процесса в погребальном обряде. Делается

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: TatSF2008@rambler.ru (С.Ф. Татауров)

предположение о том, что дополнительными критериями уровня государственности Сибирского ханства могут выступать личностные маркеры власти – печати, головные уборы, оружие и т.д. Критерием уровня централизации власти для Сибирского ханства является профессиональная армия, которая состояла из служилых татар, наемных отрядов и ополчения. Фортификационные системы защиты границ ханства на юге Барабы и в Тарском Прииртыше также указывают на высокий уровень ханской власти. В заключении делается вывод о том, что археологические материалы восполняют недостающую информацию письменных источников и их привлечение в исторические реконструкции тюрко-татарской государственности является одним из обязательных условий подобных исследований.

Ключевые слова: Западная Сибирь, татары, археология, история, государство, класс, система, создание.